

ЛитРес:

Тальяна
Орлова

Несвобода

18+

Тальяна Орлова
Несвобода
Серия «Жутко горячие
властные пластилинчики»
Серия «ЛитРес: Secrets»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42616275
Несвобода / Тальяна Орлова: SelfPub; Москва; 2021
ISBN 978-5-535-00140-1, 978-5-00155-431-8

Аннотация

Жившая в роскоши и изоляции, Арина ничего не знает о мире и людях. Она сбегает от семьи, чтобы обрести свободу и самой себе доказать, на что способна. Привыкший получать все, прирожденный манипулятор, Вадим не может пропустить мимо такую занятную жертву. Но оставляет Арине видимость свободы выбора – ведь так играть интереснее.

При создании обложки использовано изображения с сайта shutterstock.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Тальяна Орлова

Несвобода

Глава 1

Всегда случается последняя капля. С самым терпеливым, кто, казалось бы, готов был вынести что угодно, даже с ним приключается последняя капля. К счастью, после грандиоз-

ного скандала – самого грандиозного в моей жизни – я успела схватить хотя бы сумку, в которой лежали паспорт и деньги.

Средства с карты обналичить не удалось – отец уже заблокировал. Я даже не разозлилась. Разве он не поступил правильно, если хотел вернуть меня домой? Да вот только я не вернусь. Просто потому, что так растеряю остатки самоуважения. После всех мерзостей, которые сегодня прозвучали в гостинице, вернуться – это признать, что они правдивы. Меня называли нахлебницей, неблагодарной стервой, паразитом. Это из того, что могло бы миновать цензурный фильтр. А когда я ответила, что другие люди детей рожают не для того, чтобы они всю оставшуюся жизнь оправдывали ожидания родителей, получила пощечину от матери. Однако она же остановила отца, когда тот бросился с кулаками. Остановила блестящей фразой:

– Не надо, Лёш! Не дай бог, нос сломаешь!

Моей последней каплей была не пощечина, не предыдущие оскорбления, а именно эта формулировка. Именно она меня успокоила, охладила нервы, привела в порядок мысли. Какой смысл кричать, что-то объяснять и доказывать? У меня даже нос – результат пластической операции, оплаченной родителями. Настолько дорогостоящей и важной в их жизни процедуры, что мама в первую очередь вспомнила о нем. Вот именно тогда я и выбежала из дома, пока не остановили, успев схватить только сумку и ветровку. В спину расслыша-

ла папин смех – он и не сомневался, что я вернусь. Но я тоже в решении никогда не возвращаться не сомневалась.

На самом деле все произошло не сегодня, а происходило всю мою жизнь. Родители допустили единственную ошибку: позволили мне учиться в МГУ на очном отделении. Детство же я провела в изоляции – никаких детских садов, никаких обычных школ. Даже в элитной гимназии я училась только до пятого класса, после чего родители заявили, что это опасно. Сама дура, хватило ума рассказать им о небольшом конфликте с одноклассницей. С того же дня меня перевели на домашнее обучение, как в благородных домах прошлого. Профессиональные репетиторы научат куда лучше, раскроют больше талантов. И там я уж точно застрахована от зависти или возможных угроз. Третий ребенок в богатой семье после двух братьев, я росла не возможной наследницей, а выгодной инвестицией. Я на помощь матери и не рассчитывала: она, вышедшая замуж за отца по взаимной договоренности их родителей, всю жизнь ощущала себя в доме лишней. Они не женились – они объединяли капиталы. И по той же причине не разводились. А я стала камнем преткновения всех их чаяний и неудач. И слишком долгое время не имела возможности этого понять.

После школы меня после долгих уговоров устроили на престижный факультет, и вот только там я со всё растущей тревогой осознала, в каких ненормальных условиях жила. Очень много времени ушло на то, чтобы понять: никто из

ровесников и не думал мне завидовать. Наоборот, люди, с которыми удалось перекинуться хоть парой фраз, смотрели с жалостью. Никто со мной не стремился общаться, как будто боялись заразиться черной кармой. А я уж тем более не умела находить общий язык с одноклассниками. Так, почти молча, и отсидела первый курс. И уже это было прекрасно. После полной изоляции мне нравилось хотя бы находиться в одном помещении с людьми.

А на втором к нам перевелась Ирина. Она просто не разглядела сразу во мне изгоя и только потому щебетала, щебетала о переезде из Саратова в Подмосковьё да с каким трудом ей из старого вуза удалось попасть к нам. А потом было уже поздно: я вцепилась в новенькую мертвой хваткой, она была просто вынуждена стать моей подругой – хотя бы из жалости к моим потугам. Ирина жила в общежитии – настолько иной жизнью, чем я, что я слушала ее рассказы о заваривающейся лапше или кипятильнике в кружке как о каких-нибудь сказочных приключениях. Она с тем же удивлением внимала историям о том, как мне в восемнадцать лет сделали пластику носа, а еще через полгода подправили форму ушей.

– Неужели ты была настолько некрасива? – переспрашивала Ира.

Я пожимала плечами:

– Как-нибудь принесу фотографии, если любопытно. Но ведь ты понимаешь: чтобы выйти замуж, надо быть не просто красивой – надо быть идеальной. Повезло еще, что я сразу

родилась с нормальным телосложением и удачным цветом волос.

– Ну да! Замуж исключительно красавицы и только блондинки выходят! – смеялась подруга.

– Смотря за кого, конечно. Если мужчина очень богат, то у него огромный выбор. Сейчас уже редки случаи, когда солидные женихи смотрят только на выгодность брака. Соответственно, внешность имеет первостепенное значение. Быть красивой для меня – не привилегия, а обязанность.

– А-а, – протянула Ира. – Теперь ясно, почему все вокруг тебя считают высокомерной сучкой.

Оказалось, что именно такое впечатление я и производила. Но теперь на моей стороне появился хоть один человек, и вот благодаря открытой и веселой Ирине другие тоже постепенно начинали воспринимать меня иначе. По крайней мере в стороны теперь не шарахались и даже какие-то вопросы задавали. Открыто говорили о том, что я обязана хоть изредка присоединяться к студенческим вечеринкам, которые специально для укрепления корпоративного духа и проводятся. И смеялись, не веря, что родители меня никогда в жизни не отпустили бы на подобное мероприятие. Что не просто так сразу после последней пары я срываюсь к стоянке, где меня уже ждет личный водитель. И что никогда до сих пор у меня не было даже товарищей, не то что друзей... Несмотря на огромное недопонимание с ровесниками, второй курс я с уверенностью называла лучшим периодом своей жизни.

И именно по этой причине лето после него было невыносимым. Официальные приемы, банкеты, чтение по вечерам вслух на немецком или музицирование уже казались таким ужасным времяпрепровождением, что я считала дни до окончания летних каникул. Но старалась терпеть, не выходить из себя, а вечерами улыбалась, представляя себе, как расскажу на институтской перемене о просмотренном фильме или последней театральной постановке, и как Костя заявит, что такой отстой смотрят только пенсионеры, и как Люся переспросит, когда же я зарегистрируюсь в соцсетях, и как сморщится Маша, а потом не выдержит и примется меня передразнивать. Все начнут смеяться, как всегда смеялись, хотя я не наблюдала в ее тоне и жестикуляции никакого сходства с собой. Возможно, никто из них не считал меня приятной компанией, но я совершенно точно в этих вечерних мечтах видела их самыми лучшими, самыми живыми людьми на планете. И снова считала дни, часы, минуты, когда смогу каждый день ходить в институт.

* * *

Наверняка это перенапряжение и сказалось. Утром позвонила Маша и спросила номер телефона Ирины. У нее мобильник новый, номера безвозвратно утеряны. Но мой домашний у нее оказался записан в блокноте – они, мол, собирались с одноклассниками розыгрыш устроить, да потом

передумали. Мало ли, вдруг я про строгость отца не преувеличивала. Зато связь со мной, единственной, осталась. Я быстро отключила вызов, запомнив цифры, и убежала в свою спальню, пока домработница не заметила. Оттуда сразу перезвонила Маше. В старинных любовных романах пишут, как замирает сердце героини от мимолетной встречи с предметом мечтаний. Вот осознание, что я целых пару минут могу поговорить с одноклассницей, остановило мне и сердце, и мысли.

Продиктовала телефон Ирины, но пояснила, что та приедет в Москву только в последних числах августа. Маша расстроилась – я даже слышала, как она вздыхает:

– Жаль. Хотела ее в кино вытащить. Или еще куда...

– Но ведь из нашей группы многие живут в Москве! Костя, например. Алина, Ольга...

Я перечислила тех, о ком знала наверняка. Косте родители шикарную квартиру в центре Москвы купили, у Алины папа владеет сетью супермаркетов, у Ольгиной матери свое издательство. Знала, потому что они сами об этом говорили! Но оказалось, что мои слова можно переиначить:

– Ага. И перечислила всех богатеньких. Тусить с элитной тухлятиной – так себе развлечение. Без обид, Арин, я не тебя имела в виду!

Меня – в первую очередь. Да, в нашей группе было несколько студентов из богатых семей, но в тухлости ни один из них не смог бы со мной соперничать. Возможно, Маша в

самом деле не хотела этого говорить и мгновенно пожалела, что вырвалось, потому как затем выдавила:

– Арина, а давай в кино вместе сходим? Составь мне компанию.

И тут меня разорвало на двух разных людей. Одна понимала, что Маша не особенно хочет со мной общаться, я никоим образом ей не симпатична, а другая... другая не могла поверить, что можно так запросто просто сходить с одногруппницей в кинотеатр. Что эту самую другую еще ни разу в жизни не приглашали в кино под совершенно человеческой причиной «составить компанию». Эта другая я внутри ревела о бездарно прожитой жизни. И именно она ответила:

– Конечно! Куда мне приехать?

Я знала, что меня не отпустят. Потому собралась, выждала момент и, буквально крадучись, улизнула. Добралась до места на такси, с превеликим удовольствием посмотрела фильм, а потом Маша предложила выпить по банке пива. Я понимала, что скандала все равно не избежать, потому согласилась. Пиво пахнет блевотиной, и из-за содержащихся газов его трудно сразу проглотить. Я осилила два глотка, а потом Маша сослалась на срочные дела. Мне так не хотелось возвращаться домой, что я еще долго просто ходила по улицам.

Оказалось, что я даже близко не представляла масштабов бедствия. За четыре часа моего отсутствия отец успел подать даже в федеральный розыск. А потом, когда я явилась

живой и невредимой, получила по полной программе. Хотя началось с простого: «Это общество на тебя дурно влияет. Сегодня ты пьешь в подворотне с какой-то нищей мразью, а завтра будешь ложиться под первого встречного. Потому что все так делают, а у тебя характера не хватит устоять против влияния толпы». И когда прозвучала уже предсказуемая идея о том, что высшее образование будущей жене богатого человека не особенно нужно, я не выдержала. Там уже слово за слово, и потекло по нарастающей.

Больше всего угнетало, что родители были правы в сути: я никогда не отличалась такой же силой воли, которая была у старших братьев, я всегда была наивной, как сказочная принцесса. Вот даже Маша – разве я не понимала сразу, что она меня терпеть не может? Но я навязалась. Как навязывалась каждому встречному. Возможно, родители и не просто так меня сдерживали, они видели мою непроходимую слабость? Но ведь до меня только сейчас дошло окончательно: мне такая жизнь не нужна. Я сама себе такая не нужна. Родители напрасно уверились, что я быстро прибегу обратно. В тот момент я была твердо уверена, что даже если буду умирать от голода – не вернусь.

В Москве оставаться нельзя. Сейчас папа отсмеется и кинется меня разыскивать. Я насчитала имеющейся наличности меньше чем на десять тысяч. Карманные расходы, которые я утром самолично позаимствовала. Я ведь понятия не имела, принимают ли оплату картой в кинотеатре. А до тех

пор мне попросту не выпадало возможности оказаться в таких местах, где платят наличкой, как в Средневековье. Но сейчас эти деньги оказались моим единственным спасением, хоть их и было катастрофически мало.

Добралась до метро. Пришлось спрашивать у людей, куда идти, на какую ветку сесть. Подходила только к пожилым женщинам или к семейным парам с детьми, боясь нарваться на еще большие неприятности. Они дружелюбно всё объясняли, одна даже поддержала:

– Да не волнуйся ты так. Все приезжие поначалу паникуют в метро, а потом так привыкаешь, как будто всю жизнь в метро и прожила.

Я улыбнулась ей благодарно. Я хочу это почувствовать: как будто я всю жизнь прожила в метро.

Направлялась в тот самый городок, где жила Иринка. Билет на электричку, к счастью, оказался дешевле, чем я предполагала.

И до сих пор ей не позвонила. Боялась, что откажет. Боялась, что она вообще может быть не дома, а отдыхает где-нибудь с семьей. Боялась, что она повторит, что живет родителями, и те окажутся против. Я решила, что лучше испугаться этого после, а пока просто ехать и ехать в дребезжащем вагоне с надеждой на то, что мир окажется прекрасным местом.

Глава 2

В такое позднее время пассажиров было немного, потому мне удалось и тихо поплакать, и успокоиться. Ведь все равно психике это было нужно, так и повезло, что без свидетелей.

Ира, конечно, удивилась, ответив на мой звонок:

– В смысле – «приехала»? Ты на вокзале, что ли?

– Ну да. В гости... Соскучилась очень.

– Я... Ариш, я ведь с родителями живу. Ну, записывай адрес, раз такое дело.

Сразу снова отключила телефон, даже не глядя на входящие. Дошла до нужного дома пешком. Этот город казался таким... камерным по сравнению с тем, что я видела раньше. Ведь и за границей я бывала только в мегаполисах. Я шла, иногда спрашивая у прохожих дорогу, и пока легко справлялась с настроением. Даже веселилась от незначительных мелочей. На перекрестке обнаружила пробку: тут всего населения тысяч пятьдесят, а они словно специально собрались в одном месте и устроили затор! Много частных домов – иногда огромных и красивых, а иногда напоминавших лачуги.

Ирина жила в пятиэтажке. Удостоверившись, что я нашла правильную квартиру, позвонила в дверь. Подруга открыла с улыбкой, пригласила войти. Только остановила и указала на обувь:

– Эй, куда прешь? Мы с маманей полы только сегодня мыли!

Я разулась и нерешительно направилась дальше. Квартира оказалась давяще маленькой. Две или три комнаты, а вся гостиная не больше четырех метров в ширину. Да еще заставлена мебелью так, что воздуха не хватает. Я подобные только по телевизору видела. Улыбнулась родителям подру-

ги. Мама тут же подскочила с дивана:

– Так, голодная? Идем на кухню! Прости, но чем богаты... Арина, ты не подумай, что мы не рады, но в другой раз лучше заранее звони. Я бы хоть колбаски купила!

Она еще много подобного говорила, но я не чувствовала вины за хамское вторжение. Наверное, все эмоции уже истратились на другие переживания. Мне хотелось обнять эту женщину, чтобы она наконец перестала извиняться. Но, конечно, я этого не сделала.

Родители Иринки оказались приветливыми людьми, но какими-то зажатými. Даже ни о чем толком не спрашивали, говорили о совсем общих вопросах: не идет ли в Москве дождь сегодня, нравится ли мне учеба. А потом постелили мне на полу в комнате дочери.

Причины странностей Ирина объяснила позже, когда мы уже укладывались спать:

– Мамазя сама не своя. Но так-то она у меня нормальная. Ты, Ариш, сама прикинь – вот я ей же про тебя рассказывала, а потом ты хрясь и к нам заявила. В этих своих ботильонах, на которые отец за полгода не заработал бы. Они рады тебе! Просто растерялись от неожиданности.

А ведь я и не подумала, что они не рады! Накормили странным супом с плавающими макаронами – слишком жирным, но невероятно вкусным. А я даже комплимент кулинарным способностям тети Светы, как она просила ее называть, не отвесила – тоже растерялась. Ничего, утром обяза-

тельно скажу.

Но утром все изменилось, и все дружелюбие этих восхитительных людей как ветром сдуло. В восемь утра Ирине позвонила Маша. Сообщила, что к ней ночью приходили какие-то люди, меня разыскивали. Кое-как ушли, но она лично со мной больше и словом не обмолвится – на кой черт такие проблемы? Мать вон до смерти перепугали. Иринка впечатлилась ужасом Маши и соврала, что вообще про меня с июня не слыхала.

Ирина, конечно, сразу об этом сообщила. А тетя Света моментально сообразила:

– Арина, ты сбежала из дома?

Я опустила голову, не зная, с чего начать объяснения. Тогда и папа подключился, он заметно нервничал, хотя и старался говорить тихо, без давления:

– Тебе почти двадцать, взрослый человек! Но это не значит, что можно заставлять родителей беспокоиться. Позвони им – скажи, что с тобой все в порядке.

– Я... я не буду звонить, – взгляда от пола так и не оторвала. – Вы не вполне себе представляете ту ситуацию...

– А нам и не надо представлять, – вздохнула тетя Света. – Конечно, у всех бывают конфликты с родными! Вот у всех без исключения! Я однажды так взбеленилась на дочку, что мокрой тряпкой ей по заднице зарядила! Подтверди, Ир!

– Зарядила! С пустого места взорвалась. Я у Ритки на свадьбе загуляла, ну и ночевать там осталась. А позвонить за-

была. Ритка, правда, сама же и позвонила! Но я как домой через три дня вернулась, маманя на меня с мокрой тряпкой кинулась! А я ей ору: «Поздно уже воспитывать, мамань!». А она мне: «Месяц из дома выходишь не будешь, раз телефоном пользоваться не умеешь!». Но ничего, недельку подулась и сдалась.

Нет, они не просто не представляли – они даже не могли бы себе представить. Как и я не смогла бы представить, что у меня есть подруга, у которой я могла бы три дня жить, а после меня дома бы не убили. Я пыталась улыбнуться:

– Это... так мило. Но я домой не могу вернуться. Ради самой себя – не могу. Вам, наверное, кажется, что избалованной девочке блажь в голову ударила? Даже если правы... не вернусь.

– Допустим, – вмешался Ирин папа. – Но и у нас не останешься. Ведь это вопрос времени, пока отец тебя найдет. Посмотри на нашу жизнь, Арина, – он неопределенно махнул рукой в сторону. – Думаешь, нам нужны проблемы, которые твой отец способен устроить?

С этим я спорить уже не могла. Они мне даже не родственники – из-за чего подставляться? Тетя Света не торопила и накормила изумительным обедом. Наверное, воспитание или гостеприимство не позволяли ей напоминать о том, что уже сказано. Муж ее вообще уехал на работу – из-за этого стало немного легче. Вот только Ирина услышала то, что я хотела сказать. Она затащила меня в свою комнату, чтобы

поговорить:

– Ариш, ты прости меня, но родаков уговорить не смогу...

– Я поняла уже.

– Что, совсем домой не вернешься?

– Совсем. Я даже так решила: если умирать буду на улице, то и это лучше. Все быстрее выйдет.

– Э! Ты на фига этим пафосом разбрасываешься? Никто пока не умирает! Постараюсь денегат подкинуть – тысячи две сейчас есть. А через пару дней и маманька растает. Ты не смотри, что она такая грозная, она на самом деле лапша лапшой – точно займет, если уж понадобится. А пока надо жилье подыскать... недорогое. В смысле очень дешевое. С завтрашнего дня работу поищем. Я объявление на супермаркете видела, может, возьмут. А если не возьмут или сама сдашь-ся, тогда и вернешься к своим – с легким сердцем и полным осознанием.

– Я не сдамся! – сказала уверенно.

Иринка только отмахнулась:

– Ты сутки как из дома выбралась. Дай себе еще недельку, а уж потом решения принимай.

Я поморщилась. Ирина была единственной, кто оказал поддержку, но притом даже она в меня не верила.

Глава 3

Подруга больше двух часов потратила на телефонные переговоры. Она перелопатила все объявления и про всех знакомых вспомнила. Подобные сверхусилия просто не могли

не увенчаться успехом – она нашла комнату, всего за пять тысяч в месяц. Сдавали какие-то родственники троюродного брата одноклассника Ирины. На краю города, что я не считала проблемой – тут такие расстояния, что и пешком ходить можно из одного конца в другой. Я была до одури счастлива этой первой победе. Ирина с отцом, когда тот вернулся, проводили меня до вокзала, а там уже подруга сделала все возможное, чтобы я осталась в одиночестве и не села в электричку.

Самая крайняя многоэтажка мне уже издалека понравилась. Седьмой этаж. На стук никакой реакции, лишь потом я заметила дверной звонок, наполовину замазанный штукатуркой. И через пять минут дверь все же открыли.

– А, это ты подселенка? Заходи!

Я замерла на пороге. Почему-то казалось, что комнату непременно должна сдавать одинокая бабушка, а не молодой парень. Он прикрыл зевок ладонью, а потом снова приглашающе махнул.

– Простите, – я старалась говорить как можно вежливей. – Я не думала, что комнату сдает мужчина.

– Дискриминация по половому признаку? – он улыбнулся. Симпатичный, ямочки на щеках. – Да не переживай. Тут еще моя девушка живет. Жена почти. Она часа через два придет.

Я с облегчением выдохнула. Если девушка живет, то почему бы и нет? Женщины ассоциируются с большей добро-

порядочностью. Мало ли, вдруг у молодой пары финансовые затруднения, вот и решили одну комнату сдать? Мне только вести себя потише и им не надоедать. А за такую сумму я альтернативу не найду. Никто же и не ожидал, что все будет совсем просто? И только перешагивая порог, подумала о том, что он ведь мог и соврать про жену. Убьет меня прямо сейчас, никто и не найдет. Может, не зря меня родители наивной идиоткой в наш последний разговор называли?

Но теперь метаться было поздно, да ведь иногда и рисковать нужно. Иначе совсем не выживешь. Осмотрелась – красиво и чисто. А на плечиках в самом деле висела женская куртка, что успокоило меня окончательно. Эта квартира была намного больше, чем у семьи Ирины. Хоть и намного меньше, чем я привыкла видеть до вчерашнего дня. Теперь хотя бы было с чем сравнивать.

– Так, давай покажу. Ты куда в обуви? У нас домработниц нет!

Сам он вообще стоял босой на линолеуме. Я быстро разулась и поспешила за ним.

– В общем, тут, – он открыл одну дверь. – Пыль сама протрешь, если заселишься.

Я заглянула. В малюсенькой комнатку из мебели обнаружили только кровать, стол и платяной шкаф, в который и десять нарядов не поместится. Меня полностью устраивало. А хозяин продолжал объяснять:

– Кухней можешь пользоваться, но посуду за собой уби-

рай. Коммунальные я отдельно не считаю, но если увижу, что мотаешь слишком много, то пересмотрим размер аренды. Гостей не приводить, домашних животных не заводить. В остальные комнаты лучше вообще не заглядывать, если уж не прижмет. Ванная у тебя своя – вот эта. Так что, можно сказать, полный комфорт и изоляция. Ну что, нравится?

Я быстро закивала головой, словно он меня выгонял:

– Очень нравится! Спасибо вам большое!

– И давай на «ты», – улыбнулся снова. – Я Кирилл.

Улыбка его сильно преображала. На первый взгляд – обычный: высокий, худощавый, а в растянутой футболке вообще смотрится тощим. Очень светлые волосы взъерошены, будто я его с постели подняла. Но стоило ему улыбнуться, и ничего от обычности не оставалось. Очень располагающее к себе лицо. Таких обычно в рекламу приглашают или в сериалах сниматься: вот бывают такие актеры, которые даже не особенно хорошо играют, но улыбнутся – и все, смотришь дальше.

– Арина! – я пожала протянутую руку.

– Ну, если все устраивает, Арина, тогда плата за два месяца вперед, и заселяйся. Много у тебя вещей?

Я начала было волноваться, но заставила себя говорить спокойно:

– Кирилл, а я могу пока только первый месяц оплатить?

– У меня тут благотворительный фонд? – он нахмурился. – Еще скажи, что у тебя ни денег, ни работы, чтобы я

окончательно обрадовался.

– Есть работа! – смело врала я. – Вот как аванс получу, так сразу и отдам. Можно?

Он подумал, а потом махнул рукой:

– Ладно, заселяйся. Но натурой брать не буду, даже не рассчитывай.

Я дружелюбно посмеялась ему в спину, чтобы показать, как хорошо понимаю юмор. Потом сидела в комнате, смотрела в окно на рядом стоящее здание и настраивалась на светлое будущее. Надо пересчитать деньги, подумать, какие из продуктов купить – так, чтобы не слишком разориться, но и протянуть как можно дольше. Лучше позвонить Ирине и посоветоваться.

Минут через пятнадцать Кирилл постучал в дверь и пригласил вместе выпить чаю, чтобы познакомиться ближе и показать кухню. Девушки его до сих пор не было, но я приняла приглашение.

– А ты почему до сих пор не переоделась?

Он выставлял чашки на стол. Кухня была относительно большой и очень светлой. Я после полумрака даже щурилась. Отвечать пыталась приветливо и подбирала слова:

– Оу, мои вещи только на днях привезут! Накладка получилась, на таможене сумку задержали.

– А ты откуда?

– Из Москвы! – Я поняла, что от волнения путаюсь в показаниях. – Шучу я про таможеню! Папа просто задержался,

привезет, когда сможет.

– Ясно. И кем же ты здесь работаешь?

– В супермаркете... продавцом. – Я до сих пор верила, что найденная Иринкой вакансия выстрелит. Но если повезет, тогда получится, что я и не соврала.

– Так. – Кирилл теперь смотрел еще внимательнее. – Ты приехала из Москвы, чтобы работать здесь продавцом? Я все правильно уловил?

– Ну... – я развела руками.

– Или в Москве все торговые точки закрыли, или ты мне тут чешешь. Притом видок-то у тебя как у фотомодели. От твоих волос за версту баблом несет. Вот Даша придет, у нее поинтересуюсь – сколько стоит такой блеск в прическе навести.

– Я... – пыталась на ходу придумать внятную причину. – Я и есть фотомодель! Дело в том, что я... со своим бойфрендом рассталась. И я так...

Он кивнул, потому я замолчала. Потом сам же и придумал объяснение:

– Понятно теперь. Сорвалась без вещей и денег. И работы у тебя никакой нет. Можешь дальше не рассказывать.

Я постаралась заглянуть ему в глаза:

– Не выгоняй, Кирилл. Ты прав, работы пока нет, но я твердо настроена найти!

Он задумчиво качал головой, но на меня не смотрел:

– Ладно. Живи пока.

– Спасибо! – Я всерьез обрадовалась и потому затараторила: – И должна сказать, что удивлена! Твоя квартира шикарна, не похоже, что есть такая сильная нужда в деньгах... ну, чтобы комнату сдавать.

И хоть он смотрел на холодильник, я разглядела ямочку от улыбки на его щеке.

– Смотри, какое дело, Арина. Я делаю тебе отсрочку платежа, а ты сегодня вечером помалкиваешь. Идет?

– О чем?

– Обо всем.

Не прошло и обещанных двух часов, как все стало понятно. Я из комнаты не выходила. Сначала услышала женский голос, сперва спокойный, но постепенно переходящий на крик:

– Чья это обувь, Кир? Где эта шалава?

– Даша, а я уже говорил, что мы с тобой расстались? Точно, на прошлой неделе. А ты все не уходишь и не уходишь.

– Потому что у тебя маразм, Кир! От любимых не отказываются! И я от тебя не отказалась – дала время одуматься.

– А я вот не одумался. Вещи, кстати, твои собрал. Помочь унести до машины?

– Думаешь, я не знала, что ты ни одной юбки не пропустил?! Но притащить ее сюда... где я живу... Да у любой наглости есть границы!

– Вот я и жду, когда ж ты наконец-то обидишься. С вещами помочь?

– Кир, ты сволочь! – в голосе уже слышались рыдания. – Ублюдок! Ненавижу! Что я матери скажу?! Что прожила с парнем два года в ожидании свадьбы – и вот, вернулась?

– Привет ей от меня передавай.

Моя дверь с грохотом распахнулась, и девушка уставилась на меня. Я спонтанно сжалась, но она и не собиралась бросаться в драку. Наоборот, говорила теперь тише, сдавленной:

– Дура ты. И я дура. Потому что идем за ними куда ни позовут. Потому что не видим, что за внешностью у них нет души. Он и мне изменял, и тебе будет. Сиди здесь, живи здесь, надейся, что на тебе он и остановится. А он не остановится, дура. Такие никогда не...

И окончательно разревелась. Кирилл увел ее и, по всей видимости, все-таки выгнал. Я еще долго сидела в тишине, а потом вышла. Он был на кухне.

– Я правильно поняла, что ты и не собирался сдавать комнату?

– Ну, мне сегодня троюродный брат позвонил, спросил, нет ли у кого из знакомых дешевого жилья для какой-то девицы. И я решил, что или мне Дашу силой вышвыривать, или так. Но ты живи пока. Договор есть договор. Деньги мне точно не помешают.

Я села напротив:

– Но теперь я не уверена, что мне этот договор нужен!

– Есть другие варианты?

– Нет. Иначе меня уже здесь бы не было.

– Вот и я о том. Живи, пока твой столичный хахаль за тобой не явится. И если к тому времени не остынешь, то и я могу от него тебя прикрыть. Разыграем ту же сцену в обратную сторону.

Я молча отправилась в свою комнату. Пока все равно идти некуда, потому поживу. Кирилл этот, скорее всего, непроходимый бабник и балбес. Но не станет же он меня насиловать? Даже пока не приставал. Может быть, хоть какое-то время нам удастся сохранять нейтралитет. А мне как раз время и нужно.

* * *

Утренний разговор притупил последние сомнения. Я, по-прежнему не определившись с мнением, вышла на кухню, когда услышала там шум. Кирилл стоял возле плиты, но успел приветливо мне улыбнуться:

– Яичницу жарю. На двоих. Понял, что у тебя и продуктов никаких.

– Я... да! Извини, пожалуйста. Я сегодня куплю что-нибудь. Спасибо!

– Вытри пока со стола.

Я взяла тряпку с раковины и намочила. Но Кирилл, наблюдая за моими действиями, завопил:

– Ты что делаешь? Отожми сначала!

Попыталась сделать так, как сказал. Он, к счастью, не стал

акцентировать внимание на моем промахе.

– В общем, ты мне должна три яйца и бутылку растительного масла.

– Хорошо. И заварку куплю! Пойду запишу. Вот ведь, а я думала, что растительного масла нужно совсем немного...

– Куда? Садись за стол. Про бутылку я так ляпнул, чтобы грозного домовладельца показать.

– А-а, понятно, – ответила я серьезно.

– Ты ведь пошутила про масло, да? Кстати, раз уж я тебе завтрак приготовил, то ты готовишь ужин – этим и рассчитаешься.

Я опешила:

– Кирилл, к сожалению, это невозможно. Я не умею готовить.

– Здравсьте! Я ее яишенкой фирменной кормлю, а она мне тем же ответить отказывается?.. Нет, ты что, правда не умеешь? Даже яичницу?

– Не умею. Но если объяснишь, то постараюсь сделать. Мне все равно учиться надо.

Он забыл про хлеб, который доставал из пакета, и уставился на меня:

– Ты откуда такая явилась? Нет, ну понятно, что у кого-то мать готовит или там повариха, или вообще только в ресторанах, но чтобы яичницу не уметь...

– Знаешь, – я неловко улыбнулась, – со временем все объясню, а пока прими как факт.

– Как скажешь. – Он вспомнил про хлеб. – Расскажешь, конечно, если отсюда не сбежишь. Подумала над этим?

– Подумала. Ты вчера меня использовал...

– Ага. И за это разрешаю тебе использовать меня. Нормальные человеческие взаимоотношения.

Яичница оказалась не слишком вкусной, немного пересоленной, но я со вчерашнего дня не ела, потому скребла вилок со своей стороны как можно быстрее и ровно до той границы, которую Кирилл обозначил. А он еще и болтать успевал:

– Или ты что, надеялась, что я приставать начну? Только потому, что мы вместе живем? Скажу честно – ты девушка впечатляющая. Но и на меня посмотри. Мне незачем принуждать к тому, на что многие и так согласны.

Он рассмеялся, а я рассмеялась в ответ. Хоть и прозвучало высокомерно, но не слишком преувеличено. Если уж он даже в этой страшной растянутой футболке и с набитым ртом умудрялся выглядеть очаровательным, то в джемпере от Армани ему достаточно было бы щелкать пальцами и собирать на все готовые тела. А почему мир обязательно должен быть сложным? Ну вот, мы оказались вместе в одной квартире. Вчерашнее показало, что Кирилл далек от идеала, способен на подлость и вообще не особенно морален. А у меня, например, шкаф ломится от скелетов. И разве не могут два пусть совсем не идеальных человека жить, общаться и, быть может, даже дружить?

– Мне пока все равно идти некуда. Но если вдруг здесь станет хуже, чем на улице, то я выберу улицу. – Оценила его улыбку и просто сменила тему: – А ты где-нибудь работаешь?

– Дома. Веб-дизайн.

– Это, наверное, круто. А я сейчас с подругой встречу, попробую устроиться.

– Мне почему-то кажется, что мы неплохо уживемся. И мне не так скучно, и тебе решение проблемы. Но при условии, что у тебя будет заработок, конечно. Так что ни пуха, ни пера!

Я уже встала из-за стола.

– К сожалению, не могу вспомнить, как отвечать на этот фразеологизм. Но ведь надо что-то отвечать? А! К черту?

– Точно, с луны свалилась! Посуду помой хоть.

Мне кажется, что с этим я прекрасно справилась.

Глава 4

Иринка принесла косметичку, я прямо на улице и с помощью карманного зеркала слегка подвела глаза. Полноценным макияжем не назовешь, но хоть что-то. Зато подруге

понравилось:

– Вот это замечательно, Ариш! Просто и со вкусом. А твои вчерашние стрелки – это круто, но только если на обложку журнала фотаться идешь. Во всех остальных случаях не слишком круто. Здесь люди простые, будь и ты чутка попроще.

Я неустанно благодарила ее за советы, пытаюсь запомнить каждую мелочь. Настроение было боевым – с таким только горы сворачивать. Но горы сворачиваться не хотели...

В супермаркете вакансия уже была занята. Мы не расстроились и, просматривая в телефоне Иринки городской портал с объявлениями, спешили по все новым и новым адресам. Но где-то уже опоздали, где-то пришли слишком рано, где-то меня спросили о дипломе, а где-то – об опыте работы. Вежливые отказы не переставали быть отказами. Даже в средней школе не вышло. Завхоз, пожилая, полноватая женщина, которая почему-то сама проводила кастинг, долго и хмуро соображала, а потом выдала:

– Не думаю, дамочка, что вы у нас долго продержитесь.

– Я продержусь! Обещаю работать...

Она перебила:

– Уборщицей? С таким-то маникюрчиком? Ну да. День или два – острых ощущений получить. А потом мне снова уборщицу искать?

Я посмотрела на свои пальцы. Откуда же мне было знать, что маникюр может стать причиной для отказа? Попросила

бы у Иринки жидкость... в салоне же снимают лак какой-то жидкостью. Маникюр! Не отсутствие диплома, не плохие навыки... Разве мир может быть враждебен настолько? Я вежливо простилась и поспешила уйти к Иринке, которая ждала на крыльце.

– Эй, ты что, плакать надумала? Ариш!

Я потрясла головой и выдавила улыбку. Подруга похлопала меня по плечу, тяжело вздохнула, но заявила уверенно:

– Ты же не думала, что прямо в первый день – раз – и лучшее место нашла? Так почти и не случается. Завтра снова пойдем, новые объявления появятся, я вечером всех знакомых обзвоню... Если уж ты даже полы мыть настроилась, то точно что-нибудь подыщем! Только не кисни раньше времени.

– Я не кисну!

– Ага, по роже... по лицу твоему так и видно!

Теперь я уже совсем успокоилась. Ирина ведь права: если я от первых неудач уже расклеиваюсь, то дальше что будет? С такой скоростью капитуляции и до возвращения в отчий дом недалеко! Потому и я теперь отвечала звонче:

– А ведь и хорошо, что не взяли! Здесь зарплата совсем маленькая. А жить на что, аренду платить?

– Вот и славно. – Она направилась в сторону автобусной остановки. – Еще одно объявление нашла. На складе за городом требуются рабочие. Прокатимся, раз уж все равно больше вариантов нет.

Там со мной и разговаривать не стали. Посмеялись только, два раза на свидание пригласили, но к начальнику даже не проводили. Им, дескать, если на складах такая тоненькая девица и нужна, то совсем не для рабочих целей.

Расстались с Иринкой на полдороге. Она хоть и подпитывала меня весь день энтузиазмом, но теперь, похоже, сама устала:

– Мне через три дня в Москву уезжать, Ариш... Постараемся, конечно, решить твою проблему за это время. А потом... ты потом звони мне! Запутаешься в деньгах номиналом меньше тысячи – звони. Не будешь знать, на какую часть тела резиновые перчатки натягивать или на какую сторону швабры тряпку пялить, – звони. В любое время дня и ночи, Ариш! А если совсем прижмет, иди к моим. Не слушай, что говорят, они все равно помогут. Хотя бы накормят и денег дадут на обратную дорогу...

У меня не осталось сил даже на мысли о настолько отчаянном положении.

Зашла в супермаркет, понаблюдала за посетителями. Взяла точно такую же металлическую корзину и с видом прожженного эксперта отправилась по рядам. Купила немного продуктов, самые дешевые мыло и шампунь. Мыло даже сквозь картонную обертку издавало странный запах, но я запретила себе заикливаться на мелочах. В отдельном закутке продавали сим-карты для телефонов. Первые самостоятельные покупки – чрезвычайный стресс. Я вся холодным потом

покрылась, но справилась.

Домой пришла разбитая, как никогда до сих пор. Ботильоны – летние, с открытой пяткой и каблуком – оказались очень неудобными для таких путешествий. Мне представлялось, что вся стопа сочтется кровью, но я все равно шла прямо, ни на секунду не сбив шага. Боль – неотъемлемая часть женской судьбы, так мама говорила. Это мужчина может позволить себе одеваться с комфортом или там набрать пару лишних кило – их все равно оценивают по другим критериям. Женщине же не позволено даже ссутулиться. Опустить на миг подбородок – и все, даже если никто не видел, то этим ты сама за собой признаешь право на послабление.

Потому, несмотря на дикую усталость, я вошла в квартиру и позвала бодрым голосом:

– Кирилл, ты дома? Я приготовлю нам на ужин лапшу из пакетиков. Ты любишь лапшу?

Он вышел из своей комнаты быстро, подхватил из рук покупки и торопливо забубнил:

– Все, все, сожительница. Ты сейчас очень быстренько перекуси и в комнате своей посиди. Хорошо?

– А... – Я недоуменно смотрела на него, игнорируя ощущения, что в босых ногах будто кости медленно и мучительно встают на правильное место. – Все в порядке?

– Ну да. Девушка ко мне придет. Где-то через полчаса. Успеешь? Ничего?

– Ничего. – Я заторопилась. – Конечно, это же твоя квар-

тира. Старая девушка или новая?

– Не задавай глупых вопросов, Арин. Старая девушка – это бабушка. Шевели уже булками, я поставлю чайник. Может, тебе хоть футболку какую арендовать?

Я бегло осмотрела свою одежду. В принципе, постирать я наверняка сумею. В крайнем случае попрошу мастер-класс у Ирины. Мои узкие джинсы и черная блузка пока выглядели вполне сносно, но если носить их круглосуточно, то долго не протянут.

– Арендуй... Спасибо!

– Не за что, не за что, ты только вечером не высовывайся, окей? А то если она тебя увидит, то ни за что не поверит в простое сожительство.

Я улыбнулась. Стирку можно отложить и до завтра. У меня и без того сил не осталось. А еще надо составить список всех вопросов для Ирины и позвонить ей с нового номера. А Кирилл пусть устраивает свое свидание.

Вечером я слышала шум и голоса. Новая девушка Кирилла звонко смеялась и неразборчиво щебетала. Они долгое время провели в его комнате, потом ходили на кухню, затем задержались в прихожей. Похоже, она не останется на ночь. Странные звуки привлекли мое внимание и заставили подойти к двери.

Они, похоже, целовались. Но звуки становились громче, перерастая в стоны. Она ведь собиралась уйти – я даже слышала, как прощались! Так каким образом они от прощания

перешли к стонам?

Довольно громкий удар, а следом за ним вскрик. И сразу снова стоны – ритмичные, объемные, как если бы она задышалась. Кирилл почти вообще не слышно... Я прижала ладони к горевшим щекам и осела на пол. Наверное, я последняя извращенка, потому что сильно возбуждалась – от одних этих звуков, от мысли, что они – в каких-нибудь пяти метрах от меня – занимаются сексом. Он входит в нее – резко, если судить по стонам. Воображение нарисовало картину, как они лежат на полу, прямо в прихожей... Полураздетые... или все-таки обнаженные. Я теперь и сама тяжело дышала. Захотелось опустить руку и туго-туго сжать бедра. Само собой, я этого не сделала, а бросилась на кровать и зажала голову подушкой.

Скоро все стихло. А еще через полчаса Кирилл подошел к двери, стукнул один раз:

– Арин, если не спишь еще, то, может, накормишь меня обещанной лапшой?

Я вышла, но отводила взгляд. К счастью, он моего смущения даже не заметил:

– Нормально футболка сидит. Штаны поищу, у меня где-то старые спортивные валялись. Хотя они совсем уж велики будут. Не представляешь, как сексуальна девушка в мужской одежде! Да не красней, это просто комплимент! Не тебе даже, а всем девушкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.